

водами и судить о целом, если ознакомились, да и то неважно, только с частью.

Следуя петушиной логике, запоздалый читатель признал Балинова ловким парнем, а Трофимова, Ульянова, Голеннова и Жукова просто обманутыми дураками. Кто умен, а кто дурак, — и вообще об умственных способностях в данном случае спорить с «читателем» не стану, об этом пусть судят другие; но взамен этого, беру на себя смелость вновь заявить, от себя и от имени подписавших пять лет тому назад обращение ОРК, к казакам, что «Балинов ни на одну ногу никогда не отступал от своих прежних убеждений, ни на одну секунду не изменял идее ВК».

За Балинова красноречиво говорит вся его прежняя и настоящая деятельность, тогда как Египты, произвольно изменивший даже самую идею ВК, похвастать ни своим прошлым, ни тем более настоящим не может: кругом изолгался, кругом осрамился, опозорил себя и других. Этот позор долго будет висеть над ВК. Смыть его будет не легко.

«Читатель», несомненно, отождествляет ВК с личностью самого Билого, поэтому и решает, что отход от Билого равносильна измене вольноказачьей идее. Мы держимся на этот счет иного мнения. Об этом достаточно писалось. Если кто до сих пор не уразумел абсурдности подобного отождествления, то тем хуже для него.

Комментатор «Моего ответа» поступил бы с большей пользой для себя, если бы вычитанное им в брошюре хорошо продумал и попробовал хоть отчасти проверить на самом Билом.

«Коронация» гр. Граббе

6 августа в Курбевуа, в помещении казачьего музея, «короновался» гр. Граббе. Несмотря на избрание (всеобщим, прямым и тайным голосованием) ген. П. Х. Полова Донским Атаманом на трехлетие 1938-41 г. г., «граббевцы» решили пренебречь этим единственно законным выражением воли тысячи донских казаков и провозгласить своего шефа атаманом без выборов.

И от казаков получили заслуженный ответ. Они оскорбительно игнорировали: в центре сосредоточения казаков, в Париже, где живут более тысячи человек, несмотря на энергичную работу «загонщиков», Граббе на свою «коронацию» собрал... 40 казаков, приблизительно, столько же русских — представителей разных русских организаций, и просто любопытствующих.

Сам Граббе выступил во всеоружии своих орденов, с широкой аннинской красной лентой через плечо. Начинают играть в солдатки. Слышатся команды: «Господа офицеры, Атаман идет!» — «Господа офицеры, под Штандарты!».

Затем полк. Шульгин, каким то чудом овладевший «властью» во Всевеликом Войске Донском, вручает ее гр. Граббе, что сопровождается чтением безсодержательной грамоты, в которой ложь и лесть сочетаются довольно равномерно.

Следуют поздравления с «избранием»: «от Корпусной группы Донского Корпуса», «от Вой-

Получились бы курьезные пассажи. Вот, напр., собственные слова Билого: «... я не мог стать на эту Балиновскую точку зрения, т. к. вотума доверия в свою пользу не хочу ни у кого **Вырывать...**».

А что же Билый делал в действительности, начиная с пресловутого Люонского съезда, как не вырывал этот самый вотум доверия? Да еще при помощи каких грязных методов продлевал все это. Мы бы могли многое сказать по этому поводу, но нас удерживает мысль, что Биловская грязь и подлость в известной мере будет использована нашими врагами для опорачивания вообще всего ВК. С другой же стороны, — убеждать приверженцев «походного Атамана» — задача весьма неблагоприятная: как только вопрос касается нехороших сторон Билого, они намеренно правятся в слепых и глухих; по их мнению, о Билом надо судить лишь как о мертвецке — *aut bene, aut nihil*. т. е. или говори только хорошее, или ничего не говори.

А раз так, то и споров быть не может. Нельзя заставить сумасшедшего поступать разумно, как задача преубежденного в чемнибудь уверить даже в самом очевидном.

В заключение, можно сказать, что запоздалый, но услужливый «читатель» выступил весьма не кстати. Обвинять Балинова в измене ВК-у на основании филькиной грамоты и сейчас же после биловской эпопеи в Белграде, — это все равно, что в доме повешенного громко говорить о веревке. Это во всяком случае нетактично.

своей старшины», «От Аньерского прихода», «От представителя Оренбургского, Уральского и всех дальневосточных казачьих Войск». Генералы Акулинин, Зубов, Стогов, Позднышев, Алпатов, господа Криштафовичи и прочее, ни чуточку не краснея, поздравляют Граббе с «победой!»

Вся эта комическая церемония — провозглашение Донского Атамана без донских казаков — начинается с пения «Коль Славен». Очевидно, для устроителей «коронации» захватывающий донской гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон» имеет третьестепенное значение. Он и поется в самом конце церемонии, как бы нехотя.

Берет слово Граббе и, очевидно, своим неестественно громким голосом, покрывая свое невольное смущение отсутствием казаков, бросает в зал: «Волею донцов, символ казачьей власти — пернач — сохранен в моих руках»... «Без колебаний буду продолжать идти намеченною дорогою, крепко держа пернач. Свято буду соблюдать честь и достоинство Войска»... «Послужим державе Российской»... Среди донцов обнаружилось непростительное и недопустимое разделение и сегодня решительно заявляю: во имя долга пред Войском этому должен быть положен конец раз и навсегда»...

Ген. Акулинин, приветствуя Граббе, любезно наметил план его будущей работы. По Акули-

нину, главная цель Граббе: «заключение союза со всеми русскими организациями, главным образом с РОВСО, и подведение материальной базы под казачье дело». Генерал не дурак, — скажем мы от себя. Понимает цену деньгам! Ген. Алпатов «надеется, что отныне Атаман изменит методы и приемы своей работы, приведшие к нынешним печальным результатам»... В переводе на простой язык, это значит: дорогой граф, до сих пор вся твоя работа ни черта не стоила! Просто, в бочку меда влил ложку дегтя.

Так, генералы от армии и политики чествовали своего графа без казаков.

На «коронации», при чтении «грамоты», слушая частое повторение — «воля большинства казаков», «большинством голосов», — я несколько удивлялся смелости этих чтецов. Ведь, в эмиграции находится по меньшей мере 15 тысяч донцов, а по данным даже самой Граббевской Комиссии, в списках всех организаций, стоящих, якобы, за оставление Граббе без выборов, числится всего 3132 казака. Так, по какой же это арифметике из 15-ти три составляет «подавляющее большинство»?

Но ларчик открывается, оказывается, просто. В опубликованном в журнале «Атаманский Вестник» протоколе Комиссии Граббе от 3 августа просто сказано: считать, что в эмиграции пребывает 5123 казака, т. е. то количество, которое принимало участие на прошлых выборах, а остальных десять тысяч, очевидно, надо считать не существующими.

Выход из тупика довольно оригинальный! Так можно дойти до чертиков. Несомненно, на будущих выборах, через три года, они скажут, что в эмиграции осталось только 3132 казака, — то количество, которое приняло участие в «выборах» в этом году. А так как нет никакого сомнения, что через три года за Граббе не будет ни одного казака, кроме его ближайшего генеральского окружения, то они тогда решат: в эмиграции донцов совсем не осталось!

И все же, 3132 казака (цифра эта, несомненно, ложная. Мы это докажем) не может составить «подавляющее большинство» при общей сумме 5123 каз., так милостиво «граббевицами» пока что оставленных в живых.

Впрочем, для них законы не писаны. А совесть... что о ней много разговаривать!

Несколько слов об этой цифре 3132. В том же «Атаманском Вестнике» № 11 напечатан перечень организаций, якобы стоящих за продление полномочий Граббе. Под пунктом третьим стоит: «Калмыцкая станица в Жуанвиле».

Заявляем: никогда не было, нет и теперь калмыцкой жуанвильской станицы. Есть и была од-

на калмыцкая станица. Называется она «Общекалмыцкая Парижская станица». «Атаман» этой последней станицы зачисляет в нее всякого калмыка, приезжающего в Париж хоть на несколько дней, совершенно не спрашивая желания записывающегося. Таким образом, в списке этой станицы числится более 70-ти человек, а во всем Парижском районе живут всех калмыков не больше 60-ти человек. За последний год ни разу не собирался сбор этой станицы, а единственный раз, когда члены станицы сами собрались для обсуждения некоторых своих вопросов, «атаман» умышленно не явился на сбор, боясь, что его переизберут. С тех пор он боится появляться туда, где собралось хоть 5-10 калмыков. Так вот, этот «атаман» подал в Граббевскую Комиссию полный список своей станицы, ни у кого ничего не спрашивая. Таким образом, в числе 3132 имеются более 70-ти калмыков, ничего общего не желающих иметь с этим «атаманом»!

По нашим сведениям, точно таким же образом выявлена «воля» Новосадской станицы в Югославии.

Под номером 26 этого перечня сказано: «казак-калмыки в Везин-Шалет», а под номером 44 «Сальский калмыцкий хутор в Монтаржи». Между тем, это совершенно одно и то же: речь идет о небольшой группе калмыков, работающих в Везин-Шалет на заводе Уинисона. Их там всего человек 30, из коих половина составляет Сальский Калмыцкий хутор, а остальные — вне его. А из всех этих 30-ти монтаржинских калмыков по крайней мере половина принимала участие в выборах, организованных Президиумом Донского Круга. А Граббевская Комиссия из этих 30-ти калмыков сделала две организации и наверняка все 30 числится в их списке!

Таким образом, если внимательно перебрать этот перечень, то окажется, что он наполовину дутый, выдуманный. Из 3132 показанных казаков, в лучшем случае останется 1000-1500. Это и понятно; на прошлых выборах Граббе получил около 2400 голосов. В этом году значительное количество его прежних сторонников от него отвернулось, а за три года своей полной бездеятельности он новых сторонников приобрести не мог. Следовательно, цифра 2400, полученная им на прошлых выборах, должна быть значительно сокращена, приблизительно, на половину. Это так и есть. Поэтому, его сторонники прибегают к помощи разных трюков.

Действительное отношение казаков к Граббе и «граббевицам» точно выражают парижские казаки: из 1500 парижских казаков чествовать его пришлось... 40 казаков!

Это и есть истинное лицо донцов!

Ш. Б.

А. Ф. ЗОЛОТОВ.

НОВОМУ АТАМАНУ

(П. Х. ПОПОВУ).

Где бунчуки и знамена? Где булава?
Скажем — что даже их нет. Но казачья
твоя голова

Идею о них оживит, всколыхнет
И казак старую песню Тихому Дону
вновь запоет.